

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Юрий ЛЕВАДА

Исторические рамки "будущего" в общественном мнении¹

В рамках общей проблематики симпозиума, обозначенной как "Пути России...", уместно затронуть и вопрос о "дальней" перспективе возможных трансформаций. Создавшаяся в последнее время напряженность общественного внимания к перспективам "ближнего" порядка (например, послевыборным или "послепослевыборным" и т.п. ситуациям, угрозам реставрации) может лишь усилить интерес к более общим или более дальним рубежам.

Как обычно, я ограничиваюсь в предлагаемых размышлениях преимущественно результатами анализа исследований общественного мнения. (Если иное не оговорено особо, то в настоящей статье это данные очередной, четвертой волны исследований по программе "Советский человек"; опрос проводился в июле-августе 2003 г.)

"Прошлое" и "будущее" как конструкты. В массовом восприятии текущее, нынешнее время представляется полем конкретных действий и, соответственно, измеряется длительностью таких действий, а также зримых их предпосылок и последствий ("вчера" и "завтра" в этом смысле оказываются как бы дополнениями к "сегодняшнему"). Такое поле пересечено множеством разнонаправленных силовых линий, кажется хаотичным, выделяются в нем лишь траектории "своего" поведения. Между тем прошлое как прошедшее, отдаленное от текущих действий, представляется полем каких-то упорядоченных, значимых событий, действий, переживаний и т.д.: социальные силы и персонажи здесь не просто взаимодействуют, но исполняют определенные ролевые функции. В своих истоках структуризация прошлого (или ряда прошлых состояний) мифологична и ритуализована в культовых системах, более поздние наслоения — фольклорного, литературного, идеологического происхождения. (В той или иной мере представление прошлых времен и состояний в летописях и исторических сочинениях также идеализировано.) Как и иные подобные конструкты массового сознания,

структуры "прошлого" при всей сложности своего формирования довольно просты и повторяемы.

Но и в социальном восприятии "поля" будущего, по определению, отсутствуют современные проблемы, человеческие тревоги, поиски, конфликты и пр. Причем это относится как к предельно "позитивному", например, утопическому, так и к предельно "негативному" будущему апокалиптических антиутопий. Если структуры прошлого как бы задают главные темы массового воображения (на деле воображение создает эти структуры), то в идеальных порядках будущего эти темы окончательно снимаются. Массовое воображение тем самым заставляет конструируемое им будущее решать "вечные" проблемы прошлого, т.е. отнесенные к структурам прошлого. В этом, видимо, основа принципиальной *симметричности* картин прошлого и будущего, которые можно обнаружить в общественном мнении.

Это соображение справедливо не только для конкретных утопических планов, предлагавшихся различными авторами с античности примерно до конца XIX в., но и для всех вариантов массовых или "авторских" представлений о некоем будущем состоянии общества, лишенном напряженности и проблем, и тем, кстати, снимающих с человека ответственность за собственные действия. Недавно завершившийся век покончил как с конструкциями типа идеализированных монастырей и общин (фаланстеров, коммун, хрустальных дворцов, казарм и пр.), так и с надеждами на то, что бурные реки исторического времени рано или поздно впадут в мировой океан всепоглощающего либерализма, эгалитаризма, глобализма, постиндустриализма и т.д. (Никак не лучше и судьба ожиданий зеркально противоположных, а по сути однотипных — на то, что эти реки потекут вспять, к

¹ В основе статьи — доклад на 11-м ежегодном симпозиуме "Пути России: существующие ограничения и возможные варианты", организованном Московской высшей школой социальных и экономических наук и Центром в январе 2004 г.

беспроblemным аркадским идиллиям, патриархальной иерархии, "соборному" холопству и пр.) Тенденции XX столетия, продолжаемые сейчас, — это постоянное умножение и усложнение проблем, которые приходится решать человечеству и человеку на всех направлениях и на всех этапах процессов, лишь весьма условно именуемые прогрессом. Все шаги материального, интеллектуального, социального, глобального продвижения к новым рубежам оказываются как минимум неоднозначными по своим последствиям, создают новые, даже более острые проблемы и коллизии различного масштаба.

С этим, между прочим, связано и очевидное крушение представлений относительно жесткой детерминирующей зависимости между техническими, научными, производственными, информационными, биомедицинскими и прочими инновациями и решением социальных проблем.

Однако историческая дискредитация самой конструкции идеального, беспроblemного будущего не означает его устранения из массового воображения. Видимо, осложнение проблем человеческого существования, тем более на столь трудных социальных поворотах, как переживаемые, в частности, в российском обществе, стимулируют постоянный возврат массового интереса к изжившим себя моделям.

Поиск "исторической идентичности". Исследования последних лет обнаруживают значимость исторических координат для национальной самоидентификации россиян (табл. 1).

В разгар перемен и тревог перестройки на первый план в качестве локуса массовой идентификации вышла "малая родина", но с 1994 г. приоритет получило *историческое измерение*. К нему несомненно относятся и такие показатели, как "великие люди", "военная мощь", а также традиционные символы (праздники, памятники). Отождествление с *современными* структурами (государством) заметно утратило свое значение в переломные годы и лишь отчасти восстановило его в последнее время. Довольно редкой являлась апелляция к "передовому строю" как предмету гордости. Не увенчались успехом революционно-советские попытки утвердить в массах новый, послеоктябрьский отсчет исторического времени.

Наиболее значимы исторические координаты для пожилых (55 лет и старше — 52% упоминаний), для сторонников КПРФ.

"Глубина" реальной массовой исторической памяти невелика и, как видно из материалов исследований (см. ниже табл. 2 и 6), удерживает преимущественно события и лица двух последних веков (XIX и XX). Но претензия на историческую самоидентификацию обращена преимущественно к "незапамятным", мифологическим временам.

Таблица 1

ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СВЯЗЫВАЕТСЯ У ВАС С МЫСЛЬЮ О НАШЕМ НАРОДЕ?

(в % от числа опрошенных в каждом исследовании "Советский человек"-1, 2, 3, 4)

Вариант ответа	1989 г.	1994 г.	1999 г.	2003 г.
Наше прошлое, наша история	26	37	48	48
Наша земля, территория, на которой мы живем	12	25	26	32
Родная природа	15	18	18	23
Место, где я родился и вырос	38	41	35	43
Государство, в котором я живу	27	18	19	22
Язык моего народа	22	19	17	19
Великие люди моей национальности	8	10	14	14
Наша военная мощь	2	5	7	8
Вера, религия	3	8	7	8
Знамя, герб, гимн	5	2	3	4
Наше трудолюбие, умение хозяйничать	5	6	10	7
Наши песни, праздники и обычаи	14	17	19	16
Родные могилы, памятники	6	9	7	7
Душевные качества моего народа	14	16	19	15
Число опрошенных	1250*	3000	2000	2000

* Данные по России.

Таблица 2

САМЫЕ ЗНАЧИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ XX ВЕКА

(в % от числа опрошенных в каждом исследовании "Советский человек"-1, 2, 3, 4)

Событие	1989 г.	1994 г.	1999 г.	2003 г.
Первая мировая война (1914–1918 гг.)	8	19	18	14
Октябрь 1917 г.	65	49	49	40
Коллективизация	10	8	6	6
Репрессии 1930-х годов	31	18	11	17
Победа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.)	75	73	85	78
Создание социалистического лагеря в Европе		4	5	3
Смерть И.Сталина (1953 г.)			14	13
XX съезд КПСС (1956 г.)		5	4	4
Полет Ю.Гагарина (1961 г.)	33	32	54	51
Война в Афганистане (1978–1989 гг.)	11	24	21	23
Перестройка	24	16	16	21
Чернобыльская катастрофа	36	34	32	35
Падение Берлинской стены, крах социалистического лагеря		6	5	3
"Путч" августа 1991 г.		7	6	7
Распад СССР		40	47	42
Реформы Е.Гайдара		6	2	4
События октября 1993 г.		7	3	4
Первые многопартийные выборы (1993 г.)		3	1	2
Война в Чечне			24	31
Дефолт (1998 г.)			18	8
Избрание В.Путина президентом				11
Число опрошенных	1250*	3000	2000	2000

* Данные по России.

С какой даты, эпохи, события начинается, по Вашему мнению, история нашей страны?
(в % от числа опрошенных в исследовании "Советский человек"-4, 2003 г., N=2000 человек):

Вариант ответа	%
С незапамятных времен, "испокон веков"	39
С Киевской Руси	19
С образования русских княжеств	3
С крещения Руси	11
С создания Московского царства	2
С царствования Петра I	10
С Октябрьской революции 1917 года	4
С принятия Декларации о суверенитете РФ (1990 г.)	0
С распада СССР и создания суверенной РФ (1991 г.)	1
С избрания президентом В.Путина	1
Затруднились ответить	10

Такое распределение "начальных" ориентиров исторической памяти очевидно свидетельствует о ее мифологизирующей функции: удержать такую систему символических координат, которая сохраняла бы и оправдывала сложившийся набор приоритетов и табу. Значение "реальных"

(эмпирически известных) точек отсчета, в том числе современных, как видим, остается минимальным, несмотря на массовые политические пристрастия последних лет.

"Событийный" контекст исторического сознания. Многолетние наблюдения за состоянием массовой исторической памяти в рамках упомянутой исследовательской программы позволяют судить о высокой стабильности основных ее параметров как событийной, так и персонализированной структур.

Распределение оценок событий, которые, собственно, и задают структуру исторического сознания, как видим, довольно устойчиво, динамика значений сравнительно невелика и объяснима (табл. 2). Наблюдаемые в ряде позиций колебания оценок в 1999 г., отчасти нарушающих общие тенденции, связаны с особенностями момента наблюдения (начало года, непосредственно после тревожных переживаний финансового кризиса).

Не лишены интереса "возрастные" особенности восприятия исторических феноменов. Так, по исследованию 2003 г., Первая мировая война чаще

всего (20% при средней 14%) отмечается самыми молодыми (до 25 лет) — явный признак "школьной" памяти. А Октябрь 1917 г. вызывает значительно больше внимания в старших группах (40–54 лет и старше 55 лет — соответственно 46 и 49%), у молодежи до 25 лет это событие отмечают только 23%, очевидно, в данном случае работает скорее "советская" память, чем "школьная". Для более молодых (до 24 и 25–40 лет) особенно важными оказываются Чернобыль (41 и 37%), войны в Афганистане (27%) и в Чечне (41 и 34%), избрание В.Путина президентом (17% из самых молодых). В старших группах заметно чаще средних значений упоминаются Победа 1945 г., смерть И.Сталина, полет Ю.Гагарина, распад СССР. При этом, как видно из данных таблицы 2, победа сохраняет бесспорный приоритет для всех моментов исследования и для всех групп. Только советский космический прорыв конца 1950-х годов, увенчанный полетом Ю.Гагарина, также привлекает внимание более половины опрошенных.

Оценки исторических координат массового сознания дополняет распределение мнений о событиях и фактах прошлого, которыми гордятся (табл. 3).

За девять лет распределение "горделивых" оценок почти не изменилось, разве что индустриализация вызывает меньше восторгов, а святые подвижники — больше. Несколько выше оцениваются перемены последних лет.

Таким образом, при подчеркнута нравственном взгляде на исторические феномены, далеко выходящие за рамки XX в., центральным (осевым) событием оказывается та же Победа 1945 г. с продолжающимися ее научными успехами в области космоса в 1950-х и начале 1960-х годов. Это предмет гордости для всех возрастов, но в наибольшей мере — для старших (87% — в группе 40–54 лет и 92% — у более пожилых). Успехи в области космических исследований также чаще отмечают в старших возрастах (65 и 61% — в группах 40–54 лет и старше 55 лет). После 40 лет чаще гордятся также советским строем (22%), терпением и стойкостью русских (50 и 48%), русской интеллигенцией (12–14%). А чуть более позитивные оценки последнего периода (перестройка—реформы) связаны с позицией младших групп, в которых гордятся этими переменами 10–13%.

Для полноты картины обратимся к объектам "стыдящегося" исторического сознания (табл. 4).

Практически без перемен остались масштабы оценок бедности-неустроенности, отставания от Запада, военных поражений. Более остро переживаются грубость нравов, косность, дух рабства, а также репрессии сталинских лет. Заметно изменилось отношение к власти, ее действий

Таблица 3

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО В ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЧУВСТВО ГОРДОСТИ?

(в % от числа опрошенных в каждом исследовании "Советский человек"-2, 4)

Событие	1994 г.	2003 г.
Победа в Великой Отечественной войне	86	87
Ведущая роль страны в освоении космоса	50	59
Достижения российской науки	52	51
Великая русская литература	46	48
Моральные качества русского человека — простота, терпение, стойкость	45	44
Превращение страны после революции в одну из ведущих промышленных держав	42	32
Слава русского оружия	35	35
Великие русские путешественники	33	33
Борьба с татаро-монгольским игом, защита Европы от нашествия с Востока	22	25
Передовой строй, советское бесклассовое общество	14	13
Подвижничество русских святых	10	14
Дух русской вольницы, свободолюбие	12	14
Нравственный авторитет русской интеллигенции	12	11
Перестройка, начало рыночных реформ	2	8
Ничто не вызывает у меня особой гордости	2	2
Число опрошенных	3000	2000

реже стыдятся. Бедности и хамства, а также развала СССР чаще всего стыдятся пожилые люди. А отсталости, репрессий, рабского духа — преимущественно в средних возрастных группах.

Центральное событие, своего рода ось не только отечественной, но мировой истории в общественном мнении — Победа 1945 г. Ничего сравнимого с этим феноменом в массовой исторической памяти не существует, особенно после того, как поблекли представления об Октябрьской революции 1917 г. Следует отметить некоторые особенности восприятия событий 1945 г. в социальной памяти.

Как показывают опросы, преобладающая трактовка войны 1941–1945 гг. в общественном мнении вполне совпадает с официально принятой еще со сталинских времен — на первом плане не всемирный масштаб (часть Второй мировой войны), не антифашистская направленность, а то, что война была Отечественной, т.е. направленной на спасение своего государства от враждебных сил. Преобладающее внимание к

Таблица 4
ЧТО ВЫЗЫВАЕТ У ВАС ЧУВСТВО СТЫДА И ОГОРЧЕНИЯ, КОГДА ВЫ ОБРАЩАЕТЕСЬ К РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX СТОЛЕТИЯ? (в % от числа опрошенных в каждом исследовании "Советский человек"-2, 4)

Вариант ответа	1994 г.	2003 г.
Великий народ, богатая страна, а живем в вечной бедности и неустроенности	79	78
Грубость нравов, хамство, неуважение людей друг к другу	45	52
Разрушение СССР	48	41
Репрессии, террор, выселение народов в 1920–1950-е годы	34	39
Наша косность, инертность, лень	24	34
Хроническое отставание от Запада	31	32
Наследие крепостничества, дух рабства, привычка людей к подневольному труду	17	23
Военные поражения России	16	16
Ограниченная, некомпетентная, своекорыстная власть	28	20
Гонения на церковь	21	18
Стремление силой навязать свой строй другим странам и народам	15	9
Национальное высокомерие	7	5
Ничто не вызывает у меня особого стыда	1	2
Число опрошенных	3000	2000

победоносному окончанию войны вытесняет из массовой памяти трудные вопросы об ее истоках, предвоенной политической ситуации, поражениях и потерях. Как видно из данных таблиц 3 и 4, победой гордятся почти 90%, а стыдятся поражений всего 16%. Память о великой военной победе поддерживает представление об успешной конфронтации страны с внешним миром, между тем как в Европе вспоминают

прежде всего о преодолении исторических конфронтаций и успехах мирного развития.

"Периодическая" структура исторического сознания. Можно обнаружить определенную структурность в массовом восприятии исторических периодов (XX в., более ранние периоды для общественного мнения просто не значимы) (табл. 5).

Оценки определенных периодов мало изменяются, диапазон колебаний сравнительно невелик. В разной мере преобладают *позитивные* представления о временах правления царя, Хрущева, Брежнева и, разумеется, Путина. Остаются преимущественно *негативными* оценки периодов революции, правления Сталина, Горбачева, Ельцина. Только в ответах людей самых старших возрастов (55 лет и старше) в 2003 г. преобладают положительные оценки революционного и сталинского периодов, а также отрицательные мнения о царском времени. Особенно резкий перепад в суждениях о сталинском времени в возрастной группе от 40 до 54 лет, где соотношение позитивных и негативных его оценок составляет 24:52, а у тех, кому 55 лет и больше, — 48:33.

Стоит остановиться на некоторых особенностях динамики оценок периодов. В качестве наблюдаемого показателя удобно взять простейший индекс — разность между процентами опрошенных, выбравших позитивные и негативные суждения относительно соответствующего периода времени (рис. 1).

Если принять во внимание уже упоминавшуюся специфику ответов 1999 г. (настроения после дефолта), то можно обнаружить лишь одну явно выраженную тенденцию: последовательное *уменьшение частоты отрицательных оценок сталинского времени*. Видимо, с этим связано ухудшение мнений о времени Хрущева — первого официального критика сталинизма. Некоторое уменьшение доли негативных оценок периодов правления М.Горбачева и Б.Ельцина в 2003 г., по сравнению с предшествующей волной иссле-

Рисунок 1
ИНДЕКСЫ ОЦЕНОК ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРИОДОВ XX в.

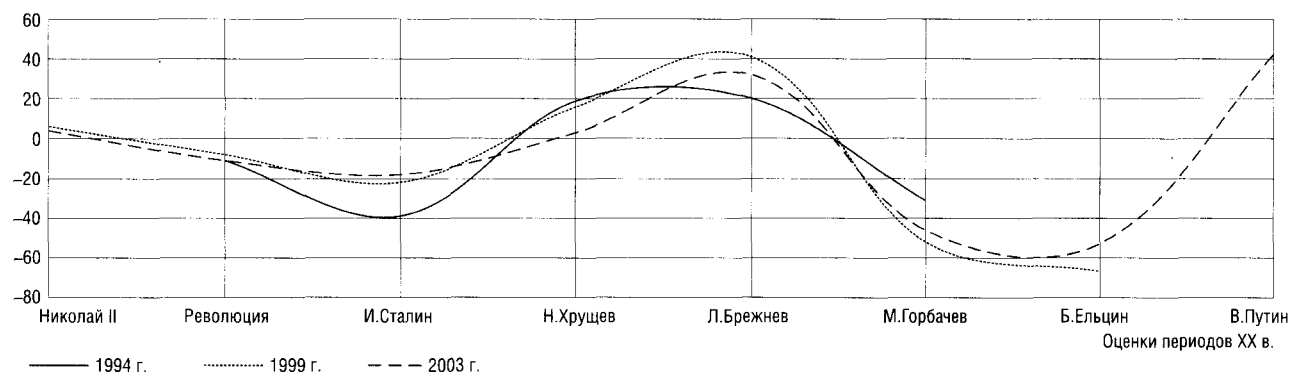

Таблица 5
С КАКОЙ ОЦЕНКОЙ ПЕРИОДОВ ИСТОРИИ РОССИИ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ: ЧТО ПРИНЕСЛО...
 (в % от числа опрошенных в каждом исследовании
 "Советский человек" -2, 3, 4)

Период истории России	1994 г.	1999 г.	2003 г.
<i>Время Николая II</i>			
Больше хорошего		18	20
Больше плохого		12	16
Ничего особенного		16	17
Затрудняюсь ответить		55	47
<i>Время революции</i>			
Больше хорошего	27	28	28
Больше плохого	38	36	39
Ничего особенного	7	5	6
Затрудняюсь ответить	28	30	27
<i>Время Сталина</i>			
Больше хорошего	18	26	29
Больше плохого	57	48	47
Ничего особенного	5	4	4
Затрудняюсь ответить	20	22	21
<i>Время Хрущева</i>			
Больше хорошего	33	30	28
Больше плохого	14	14	25
Ничего особенного	33	32	24
Затрудняюсь ответить	21	24	22
<i>Время Брежнева</i>			
Больше хорошего	36	51	47
Больше плохого	16	10	15
Ничего особенного	33	25	22
Затрудняюсь ответить	16	15	15
<i>Время Горбачева</i>			
Больше хорошего	16	9	14
Больше плохого	47	61	60
Ничего особенного	17	16	15
Затрудняюсь ответить	20	14	12
<i>Время Ельцина</i>			
Больше хорошего		5	10
Больше плохого		72	63
Ничего особенного		13	17
Затрудняюсь ответить		10	9
<i>Время Путина</i>			
Больше хорошего			51
Больше плохого			9
Ничего особенного			21
Затрудняюсь ответить			19
Число опрошенных	3000	2000	2000

дования, скорее всего, объясняется преувеличенно паническими настроениями начала 1999 г.

Наиболее позитивными видятся общественному мнению эпохи, которые представлены как стабилизационные (на языке французских исторических аналогий — "термидорианские") — правления Л.Брежнева и В.Путина. Кстати, индекс оценок последнего периода в 2003 г. практически точно воспроизводит соответствующий показатель оценок времени Брежнева через призму панического 1999 г.

Может возникнуть недоумение: почему сочетаются как будто усиливающиеся чувства стыда и огорчения из-за сталинских репрессий (см. табл. 4) и слабеющий негативизм в отношении этой эпохи? Но если обойти тот же 1999 г., когда дефолт связывали с проводимыми реформами, то оказывается, что внимание к репрессиям сохраняется примерно на одном уровне. Те, у кого террор 1920–1950-х годов вызывает стыд и огорчение, заметно хуже судят о сталинском времени (индекс –34 при средней величине –18). Но память о войне в Афганистане практически не влияет на оценки эпохи Брежнева. А среди отметивших чеченскую войну как одно из важнейших событий XX в. оценки периода правления В.Путина даже несколько выше средних.

Видимо, это означает, что со временем, если не действуют особые факторы актуализации, память о мрачных сторонах определенного периода как бы обесцвечивается, утрачивает непосредственное политическое и нравственное значение, превращаясь в простую историческую "метку". Так происходит с памятью об афганской аванюре, об оккупации Чехословакии в 1968 г. Но это не относится ко все еще "живой", политически и нравственно значимой памяти о сталинизме, которая остается полем острой современной конфронтации сил и принципиальных позиций. Что же касается оценок разных сторон современной действительности, т.е. периода действующего президента, то они пока существуют вне замкнутого контекста, как бы вне взаимной связи, ибо, как сказано было некогда, "довлеет дневи злоба его". Сведенные воедино оценки эпох и деятелей остаются уделом последующего времени.

На рисунке 1 видно, что линии оценок исторических периодов во всех трех исследованиях волнообразны, по форме напоминают синусоиды, означающие чередование преобладания позитивных и негативных суждений. В них отображены не оценки значений отдельных периодов, а их соотношения друг с другом. Известная особенность отечественной истории минувшего сложного века состоит в том, что практически

каждая следующая эпоха (ее лидеры, идеологиемы, ее массовое сознание) отрицает эпоху предыдущую, обвиняя ее деятелей во всех возможных грехах, что не мешает преемственности стиля и методов управления, подчинения, осмысления и пр., и ищет аналогий в "позапрошлой" эпохе, отринутой непосредственно прошлой. Так при И.Сталине искали опору в патриотической монархии, при Н.Хрущеве — в досталинском революционаризме, при Л.Брежневем вновь обращались к сталинским образцам, при М.Горбачеве реабилитировали "оттепель", а в постперестроечные времена все чаще и на всех уровнях с тоской вспоминают "застойную" стабилизацию. В каждом случае не происходит ни реального возврата "позапрошлого", ни превращения его в предмет исследовательского внимания, скорее имеет место попытка конструирования сугубо утилитарных социальных мифологем.

Рамки исторической персонализации. Еще одна и весьма важная рамка структурирования исторического времени определяется набором действующих лиц, сохраняющих значение для массового сознания. Наглядное подтверждение — список "самых выдающихся" людей, составляемый респондентами в каждой волне исследования (табл. 6).

Как состав, так и динамика списка представляют предмет для содержательного исследовательского интереса.

"Голова" списка (собственно первый десяток имен) почти не подвержена изменениям. Правда, после 1989 г. по понятным причинам из фокуса исторического внимания полностью исчезают фамилии основателей марксистского учения, уходит на задний план инициатор перестройки. Первые две строки списка занимают создатели империй — российской и советской. Как было видно из предыдущего изложения (см. табл. 4), период революции оценивается скорее негативно, но главное лицо этого периода, В.Ленин, сохраняет позиции в общественном сознании прежде всего как государственный деятель. На последующих строках — главные для сегодняшнего общественного мнения имена-символы отечественной культуры, науки и военных успехов, в том числе космических: Ю.Гагарин, С.Королев, К.Циолковский.

Характерны траектории популярности (упоминаемости) ряда имен и выраженных ими символических функций в рассматриваемых списках.

В 1989 г. К.Маркс собирал 40% опрошенных, в 1994 г. — 6, в 1999 г. — 5, в 2003 г. — 4%. Идеологическая оболочка советской державности оказалась предельно слабой, способной раз-

рушиться и почти полностью утратить свое значение, при этом сама державность, напротив, демонстрирует свою живучесть.

В то же время от волны к волне исследования растет значение И.Сталина: 11–28–35–40%... Это несомненно связано с ростом всего "державного" компонента массового сознания и угасанием попыток как-то преодолеть наследие жесточайшей диктатуры.

Второй раз за все время работы над исследовательской программой "Советский человек" в списке самых выдающихся людей появляется — и почти на том же уровне популярности — фамилия действующего лидера (в 1989 г. у М.Горбачева — 8-е место и 18%, в 2003 г. у В.Путина — 7-е место и 21%).

И, разумеется, никак не обойти вниманием весьма показательную динамику популярности другого персонажа — А.Гитлера, которого в 1989 г. назвали самым выдающимся менее 3%, в 1994 г. — 9, в 1999 г. — 7, в 2003 г. — 11%.

Отметим некоторые особенности "групповых" характеристик массового выбора в последней волне исследования, в 2003 г. Имя Ленина называют преимущественно люди старших возрастов: 53% — в группе старше 55 лет и только 36% — среди самых молодых (при средней частоте 43%). Имя Сталина наиболее популярно среди старших — 54%, менее всего — в младшем рабочем возрасте (25–40 лет) — 32%, в самой молодой группе интерес к нему заметно выше — 38%. А императора Петра I чаще указывают в двух младших группах (48 и 46%), чем в старших (44 и 35%). Похоже, что это признак "книжной" или "экранной" массовой памяти. Ю.Гагарин — герой преимущественно молодежный (космос, наука), а Г.Жуков — "ветеранский". Как А.Пушкина, так и В.Путина скорее предпочитают более молодые, в первом случае действует, видимо, школьная память, во втором — современные политические пристрастия.

Имя Гитлера чаще (18!) называют самые молодые, до 25 лет, реже (по 11%) — в возрасте от 25 до 55 лет, совсем редко (5%) — те, кому за 55 лет, т.е. в зоне влияния "военной" памяти.

Примечательно, что избравшие В.Путина чаще среднего включают в список также Л.Брежневем — 21% (при среднем 12%), Ю.Гагарина — 40 (33), М.Горбачева — 18% (8%). Частота упоминаний В.Ленина, И.Сталина мало отличается от средних значений, а Петр I назван даже реже среднего — 38% (43%). Включившие же в список И.Сталина обнаруживают также повышенное внимание к В.Ленину (70%), Л.Брежневем (18), Ю.Гагарину (40) и ... А.Гитлеру (18% при средней 11%). Те же, кто счел самым выда-

Таблица 6

НАЗОВИТЕ ДЕСЯТЬ САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

(в % от числа ответивших на предложенный вопрос в исследованиях "Советский человек" - 1, 2, 3 4)

№	1989 г.	Доля	1994 г.	Доля	1999 г.	Доля	2003 г.	Доля
1	В. Ленин	77	Петр I	56	Петр I	45	В. Ленин	43
2	К. Маркс	40	В. Ленин	46	В. Ленин	42	Петр I	43
3	Петр I	39	А. Пушкин	31	А. Пушкин	42	И. Сталин	40
4	А. Пушкин	25	И. Сталин	28	И. Сталин	35	А. Пушкин	39
5	М. Ломоносов	22	А. Суворов	24	Ю. Гагарин	26	Ю. Гагарин	33
6	Г. Жуков	21	Г. Жуков	19	Г. Жуков	20	Г. Жуков	22
7	А. Суворов	19	Наполеон	19	Наполеон	19	В. Путин	21
8	М. Горбачев	18	М. Ломоносов	19	А. Суворов	18	М. Ломоносов	17
9	Ю. Гагарин	18	А. Сахаров	17	М. Ломоносов	18	А. Суворов	16
10	Ф. Энгельс	17	М. Кутузов	16	Д. Менделеев	12	Д. Менделеев	13
11	Л. Толстой	15	Екатерина II	14	Л. Толстой	12	Наполеон	13
12	Д. Менделеев	15	Л. Толстой	11	М. Кутузов	11	Л. Толстой	12
13	К. Циолковский	14	Ю. Гагарин	11	Екатерина II	10	Л. Брежнев	12
14	И. Сталин	11	М. Горбачев	10	С. Королев	9	А. Гитлер	11
15	С. Королев	10	А. Македонский	10	Ю. Лермонтов	9	С. Королев	11
16	Ф. Дзержинский	10	А. Гитлер	9	А. Сахаров	8	Екатерина II	11
17	А. Эйнштейн	10	Л. Брежнев	8	Л. Брежнев	8	М. Кутузов	10
18	М. Кутузов	10	А. Солженицын	8	А. Гитлер	7	Ю. Лермонтов	10
19	Ч. Дарвин	8	Д. Менделеев	8	П. Чайковский	7	А. Сахаров	9
20	И. Павлов	8	П. Столыпин	8	А. Эйнштейн	6	М. Горбачев	8
21	И. Ньютон	7	Николай II	7	А. Македонский	5	А. Эйнштейн	7
22	Наполеон	7	Ю. Лермонтов	7	К. Маркс	5	К. Циолковский	6
23	А. Македонский	6	Н. Хрущев	7	К. Циолковский	5	А. Македонский	6
24	М. Горький	5	П. Чайковский	7	А. Невский	5	И. Ньютон	6
25	П. Чайковский	5	А. Невский	7	И. Ньютон	4	С. Есенин	5
26	Ю. Лермонтов	4	К. Маркс	6	Иван IV	4	П. Чайковский	5
27	А. Гитлер	3	С. Королев	6	Ф. Рузвельт	4	Иван IV	5
28			Ю. Цезарь	5	М. Горбачев	4	Н. Хрущев	5
29							К. Маркс	4
	Число опрошенных	1250		3000		2000		2000

ющимся А. Гитлера, заметно чаще называли И. Сталина (69%), В. Ленина (53), Петра I (47), Ивана Грозного (10), а также Горбачева (13%). Подобные сочетания предпочтений кажутся неожиданными и невероятными в плане идеологическом, который здесь, скорее всего, большого значения не имеет, но могут быть понятными, если на первый план выступает реальное или воображаемое сходство признаков "державности", "жесткости", "решительных мер" и т. п.

В общем и целом "персональные" рамки массового исторического сознания, как и следовало ожидать, вполне соответствуют рассмотренным выше "событийным" рамкам.

Уроки и смыслы исторического сознания. По известному выражению Гегеля, единственное, чему учит история, — это тому, что люди не умеют извлекать из нее уроков. Он имел в виду "истинную", разумную историю и тех, кто ее творит — правителей, воителей. Если же спуститься на уровень действующего исторического сознания, будь оно элитарно-политическим или массовым, то оказывается, что именно исторические конструкции постоянно служат важнейшим средством социального, даже социально-политического самоутверждения и социально-политического воспитания. Поэтому представление исторических рамок (в литературе, преподава-

нии и пр.) неизменно оказывались полем жесточайших конфронтаций, цензурных запретов, ухищрений и лицемерия, сознательного и скрытого.

Как хорошо известно, с достаточно давних времен власти предрежающие, особенно те, которые нуждались в единомысленном послушании подданных, стремились добиться того, чтобы историческая идентификация недвусмысленно служила оправданию наличного порядка и актуальной политики¹). Наведение "идеологической дисциплины" в советский период предполагало многократные "зачистки" исторического прошлого, переоценки событий и деятелей, а вместе с тем и ученых авторитетов, учебников и пр. (Пародийное отображение таких процедур — одна из главных тем "Фермы животных" Дж.Оруэлла.) История "с историей", однако, имеет склонность продолжаться, по меньшей мере в виде имитации. Свежим примером может служить недавно (с конца 2003 г.) начатая чистка школьных учебников от "псевдолиберальной" крамолы, от "очернения" отечественного прошлого и — что, видимо, главное — от сомнений в достоинствах нынешних властей. Безальтернативная политическая ситуация нуждается в соответствующем представлении истории.

Прямой поддержки в сегодняшнем общественном мнении подобные устремления как будто пока не находят. Приведем распределение ответов на вопрос: **"Какая из точек зрения Вам ближе?"** ("Советский человек"-4, 2003 г., N=2000 человек):

Вариант ответа	%
Важно прежде всего знать об успехах, героях нашей истории, чтобы люди уважали собственное прошлое, и не нужно слишком много говорить о наших ошибках и неудачах	21
Нужно знать всю историческую правду, даже самую тяжелую, чтобы не повторять ошибок и неудач прошлых времен	72
Затруднились ответить	7

Как и следовало ожидать, в наибольшей мере склонны знать "всю правду" более молодые, образованные, демократически настроенные. Но распределения мнений в различных социальных и политических группах в принципе довольно

близки. Так, если у молодежи до 25 лет соотношение суждений составляет 20:73, то у пожилых (старше 55 лет) — 26:65, у высокообразованных — 18:78, у малообразованных — 24:65, в электорате СПС — 15:82, у сторонников КПРФ — 29:64.

Оценивать такие мнения приходится с неизбежными оговорками: мы видим, что общественное мнение само по себе в основном не обладает способностью противостоять прикрытому давлению, тем более, если это последнее подкреплено, например, авторитетом популярного политического деятеля. Большинство не приемлет цензуру, но готово согласиться с государственным контролем СМИ, не одобряет диктатуры, но не может возражать "управляемой демократии" и уж тем более не способно противостоять переписыванию исторических стандартов. Особенно, если это делается под видом возвращения к привычным, давно устоявшимся образцам.

К таким образцам, как уже отмечалось, несомненно относится и установка на изоляцию, и противопоставление собственной страны остальному миру, под каким бы предлогом или идеологическим "соусом" это блюдо ни подавалось. В этой точке предельно сближаются официальные и массовые позиции, а чаще всего еще и примыкающие к этим двум интеллигентски-элитарные концепции.

Некоторые подвиги (табл. 7) заметны, но невелики, "бороться" с чуждыми влияниями готовы вдвое чаще, чем "включаться" в мир. Причем только самые молодые (до 25 лет) предпочитают первый вариант (40:36), в других возрастных группах соотношение меняется в пользу готовых "бороться", достигая у тех, кому 55 лет и старше, 11:63. Среди высокообразованных такая пропорция составляет 26:49 (т.е. не отличается от средней!), у имеющих среднее образование — 22:52, у малообразованных — 20:52.

А вернуть России "статус великой уважаемой державы" ждали от будущего президента в январе 2000 г. 55%, а в январе 2004 г. 58%, сближения с Западом в 2000 г. — 8%, в 2004 г. — 7%. Причем среди имеющих высшее образование процент ждущих статуса великой державы выше среднего, а ожидающих сближения с Западом ниже среднего (опрашивалось по 1600 человек).

Когда перед респондентами (в последней волне по программе "Советский человек") был поставлен вопрос, от чего России стоило бы избавиться, оказалось, что 18% указали на "неуважение к собственному прошлому", 14% — "поражение чуждым образцам жизни", и только 3% выразили мнение, что избавляться нужно от "попыток противопоставить себя всему остальному миру", еще 4% — "от претензий на главную

¹ Известный французский автор передает летописный рассказ о том, как жестоко были наказаны первым китайским императором Цинь Ши-хуанди ученые, которые "копались в прошлом, ища доводов, способных опорочить настоящее и смутить народ" (Роже Кайуа. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: О.Г.И., 2003. С. 107).

Таблица 7

ВКЛЮЧАТЬСЯ В МИРОВОЮ КУЛЬТУРУ ИЛИ БОРОТЬСЯ С ЧУЖДЫМ ВЛИЯНИЕМ?**С каким из суждений Вы бы скорее могли согласиться?***(в % от числа опрошенных в каждом исследовании "Советский человек" -3, 4)*

Суждение	1999 г.	2003 г.
России нужно активно включаться в мировую культуру, ориентироваться на западные стандарты жизни	23	25
России нужно бороться с чуждыми русскому народу западными влияниями, возродить самобытный уклад жизни русского народа	58	49
Затруднились ответить	19	26
Число опрошенных	2000	2000

роль в мире" (подавляющее большинство избрало такие варианты ответов, как "нищета", "пьянство", "беспорядок в жизни", "лень" и пр.)

По всей видимости, только в редкие и недолгие периоды отечественной истории суммирование лозунгов великой державы и "великого противостояния" остальному миру служило наступательной политике и идеологии — где-то в эпоху Екатерины II и после Второй мировой войны, в конце 1940-х годов и в конце 1950-х годов. Во все прочие времена, тем более в нынешние, идеи великодержавного противостояния — это идеи "оборонительного" изоляционизма, если не просто капитулянтского, поскольку шансов на успех они не имеют.

Давно стало ясно, что простого и легкого пути "в мир", в Европу у России нет, что экономическая, социальная и политическая "плата" за реальное вступление страны в мировое сообщество будет весьма высокой. Да и само такое вступление, если оно произойдет (не в одночасье, а в результате ряда долгих и мучительно сложных процессов) скорых выгод бывшей великой империи не сулит. Если у каких-то наивных либералов в конце 1980-х годов и были иллюзии легкого и приятного превращения страны в "нормальную" державу, то они давно развеяны ходом событий и динамикой социальных настроений тоже. "Западный", точнее, общемировой и в этом смысле "глобальный" вариант развития означает для России лишь трудный и длительный, рассчитанный на десятилетия и поколения путь развития современной экономики, современно-го государства с современной демократией.

От "догоняющей модернизации" России, как и большинству стран мира, спрятаться некуда. Вопрос в том — сколь рациональным и эффективным или, напротив, сколь мучительным и нерациональным может быть такой процесс. В конечном счете, насколько это можно видеть сегодня, он ведет к формированию некоего единого и в то же время *многообразного* мира. Иной вариант — всестороннее, более или менее при-

вычное загнивание страны под прикрытием отработанных лозунгов "самобытности" (на деле — повторения известных истории образцов разложения в социетальном масштабе). Первый из них требует огромного и целенаправленного напряжения сил, активной роли правящих и интеллектуальных элит. Второй вариант, напротив, в особых усилиях не нуждается, поскольку опирается на исторически заданную инерцию, на энтропию распада. Поэтому он и выходит на передний план на любом трудном повороте событий. Поэтому и сохраняется порочный круг противостояния—изоляции. И постоянно воспроизводится привычный механизм конфронтации страны с миром и временем. Отсюда и "извечное" стремление придать значение вечным символам Врага, Жертвы, Героя, Вождя и прочей атрибутике мифологических конструкций будущего—прошлого.

В определенной, хотя и ограниченной мере роль движущей, "толкающей" силы исполняют внешние влияния, обусловленные существующей системой связей России с мировым рынком и мировой политикой. Они шаг за шагом размыывают, обесценивают барьеры изоляционизма и косности, но не создают стимулов для самостоятельного, стимулируемого изнутри развития. Создается впечатление, что в сегодняшней России нет сил, способных разорвать порочный круг "вечного возвращения" к беспомощному противостоянию. Как мы видим, преобладающая часть социальной и интеллектуальной элиты склонна скорее оправдывать этот круг, чем искать способы разорвать его. Большинство современных публикаций о путях России исполнена ламентаций об утраченном счастливом прошлом, осуждений "Запада" и "западников". Голосов другой стороны практически не слышно. Историческая проблема — надолго, может быть, на несколько поколений — в том, чтобы эта сторона смогла определиться и представить обществу варианты выхода из "инерционного" тупика.